# Marhamoropck

## Улица Нины Кондратковской

Ее стихи солдаты носили в нагрудных карманах гимнастерок

Начало 80-х. Один из сентябрьских вторников. Редакция «Магнигогорского рабочего». Открывается новый сезон в городском литературном объединении имени Б. Ручьева. Я – новичок, пришел сюда по приглашению. Литобъединение представляется мне чем-то сродни Союзу писателей. И потому, благоговея от предстоящей встречи с «настоящими» поэтами, явился на час раньше. В ожидании изучаю какие-то агитационные стенды в холле редакции. В эту минуту из кабинета напротив выходит пожилая женщина. Одета она очень просто: на старомодной блузе красуется большая брошь, пестрая короткая кофта подчеркивает женскую полноту, темно-синяя юбка, туфли-лодочки на отечных ногах. Но главное

лицо. Мягкие черты, Тьма внимательный открыне сказала тый взгляд. А в губах... дымящий «Бело морканал». Седые под стриженные волосы слова, забраны на затылке гребенкой. «Точь-ва только гочь моя бабушка, крылом думаю я. – Если бы не та чудовищная папи-- Вы на литобъедислегка... нение, молодой чело-

век? - спрашивает женщина, вынимая изо рта «беломорину». Пепел падает на туфли-лодочки. - Очень рада. Я - Кондратковская. Руководитель лито, женщина уверенно протягивает ине руку. – Ну, с чем пожаловали? Стихи пишете? Угадала? - Угадали.

- Так покажите же. Зайдем в кабинет и, пока народ не собрался, поговорим.

Я вынимаю из портфеля кипу рукописных опусов, стараясь отделить «удачные» от «неудачных». Но тут же слышу строгий голос:

-Все. Все давайте. Не жадничайте. Так, посмотрим, что тут у нас... Э, сколько пессимизма! Упаднические настроения. Да вы просто декадент какой-то...

Начало 30-х. Далекий сельский район Зауралья. Сюда на ликвидацию неграмотности приехала молоденькая учительница Нина Кондратковская. Позади – школа-девягилетка в Кургане. Впереди – «планов громадье». Ведь так необходимо помочь наркому Луначарскому в деле народного просвещения! Русоволосая, худенькая, полная комсомольского задора, стоит она перед одетым в гимнастерку партработником.

 Мне в деревню Кривую нужна не просто учительница, а заведующая школой, - говорит партработник, поправляя ворот гимнастерки. -В школе четыре класса, восемьдесят два ученика. Да еще ликбез среди взрослого населения. Нужен чеповек крепкий, надежный. А вам сколько лет, красавица? Скоро семнадцать, – бойко от-

вечает девушка. Ох, молодо-зелено! – хватается за голову партиец.

А вы на молодость не смотри-

ге! Я, между прочим, школу закончила, товарищ...

Так начиналась трудовая биография писательницы и педагога Нины Георгиевны Кондратковской. Начиналась с чудовищных трудностей. С двухфунтового пайка пшена в месяц, постоянного недосыпания и работы до седьмого пота. Начиналась с недетских переживаний, когда ей, едва ли не единственному грамотному человеку на всю округу, приходилось не только заниматься просвещением, но и вести протоколы раскулачивания крестьян, составлять описи изъятых вещей и провожать в неизвестность обозы с обездоленными взрослыми и детьми. И плакала по ночам, и передавала тайком отъезжающим детские валенки. И засидевшись дотемна в сельской школе за проверкой тетрадей, слышала звон разбитого стекла, знала, что это «кулацкие недобитки» бросают камни в школьные окна. Все было.

Но жизнь начинается с детства. Родилась Нина Георгиевна 16 ноября 1913 года в деревне Лубны Полтавской губернии. Страсть к педагогике перешла к ней, видимо, по наследству. Еще ее бабушка была народной учительницей, писательницей и революционеркой. Мама начинала как актриса, но потом тоже посвятила себя педагогике. Родственники же по отцовской линии были медиками. Маленькая Нина «рассаживала» за воображаемые парты склянки из-под микстур и принималась их «учить». Когда девочке было двенадцать лет. семья с Полтавщины переехала в Курган. Здесь, учась в школе, Нина Кондратковская познакомилась с Борисом Кривощековым (Ручьевым) и Михаилом Заболотным (Люгариным), дружбу с которыми она пронесла через всю жизнь. Стихи Нина начала писать еще в детстве. Неуверенная рука ребенка выводила не совсем складные строчки о Парижской Коммуне –

время диктовало, революция давала вдохновение. Лет с четырнадцати Нина Кондратковская уже была в комсомольском активе курганской школы. Тогда, наверное, состоялась сознательная проба пера, появились первые самостоятельные стихи. Потом, уже учительствуя в деревне Кривой, молодая девушка входит в состав агитбригады, участвует в небольших концертах перед малограмотными сельскими жителями, пишет сценарии этих выступлений. Деятельность таких агитбригал называлась тогда движением «Синие блузы». После работы в глухой зауральской деревне Нина Кондратковская едет учиться в Тюменский педагогический институт, а по окончании его снова преподает. На этот раз уже в селе Ма-

кушино, под Курганом. По комсомольскому поручению пишет свой первый очерк для местной газеты о передовой ячейке коммуны «Красная последнего заря». А ее товарищ, Борис Ручьев, уже в фаворе. Его стихи признаны не только на Урале, но и в столице. Талантливый поэт строит Магнитку - город будущего. Едва ли не одновременно и в Свердловс-Шевельнула ке, и в Москве выходит книга его стихов «Вторая родина». В 1933 году по дороге из Свер-

дловска в Магнитогорск он заезжает в Макушино к Нине Кондратковской. Друзья и раньше не теряли связь: была регулярной переписка, иногда удавалось встречаться. Сколько рассказов своего товарища о чуде социалистического строительства переслушала молодая учительница! Вот и на этот раз нет конца восторгам и уговорам переехать туда, где жизнь кипит ключом. И согласилась-таки Нина Георгиевна!

В 1934 году она увидела Магнито-

строй и поняла, что уже никуда не уедет отсюда. Жили в бараках трудно, но дружно. На Магнитострое в начале 30-х началось активное литературное движение. Направленный сюда по путевке партии свердловский поэт Василий Макаров организовал литературную группу «Букбригаду имени А. М. Горького. Ее участниками стали более сотни человек. Это были ударники труда: простые парни в рабочих спецовках и девушки в красных косынках. Многие из них простодушно думали, что если потребуется стать поэтами героических буден Магнитостроя, то они, отложив на время кирки и кувалды, непременно освоят и ремесло стихотворцев. Был даже тогда такой наивный лозунг: «Ударников - в пролетарскую литературу!» Каждый из этих молодых людей хотел «сочинять книги» о невиданном чуде социалистической стройки. Но, разумеется, получалось далеко не у всех. В массе своей это были малограмотные люди, складывавшие, например, такие вирши: «Кулак под машиной пищит, / И что-то хотит навредить, / И гайку рукой он вертит, / И трактор хотит разорить». Самыми активными членами литгруппы «Буксир» стали строители-ударники Борис Ручьев, Михаил Люгарин, Александр Ворошилов, Владимир Хабаров. Двадцатилетняя Нина Кондратковская тоже вошла в эту творческую компанию. Молодость, влюбленность, пафос созилания - вот что значило то счастливое время для первых поэтов Магнитогорска. Но недалеко уже было время лютых репрессий. Скоро не станет В. Хабарова. Погибнет после ареста В. Макаров. Вагонзаки увезут «на перековку» Б. Ручьева и М.

Люгарина. Нину Кондратковскую минует страшная участь, за ней не приедет черный «воронок». Но ледяной ужас от сталинского произвола надолго поселится в ее душе. Уже в конце жизни Нина Георгиевна рассказывала, как однажды в военные годы проспала на работу - сказалась накопившаяся за долгое время усталость. Холод прошел по спине, когда, проснувшись, взглянула на часы, увидела быющее в окно солнце. Ведь по сталинскому указу за такое «преступление» полагался тюремный срок. И в ужасе думала: с кем же останется совсем маленький еще ребенок? Но, слава богу, выручил участковый терапевт, выписавший больничный лист.

Суровые годы войны. Нина Кондратковская пишет полное лиризма и патриотического пафоса стихотворение «Твои письма» и посылает его в Москву. В марте 1943 года стихи были опубликованы в «Учительской газете».

Ты писал мне перед самым боем, В час, когда бросало землю

в дрожь. Я не знаю – где ты, что с тобою, Но я верю: ты ко мне придешь. И пошли письма с фронта. Сколько их было! Один боец написал Нине Георгиевне, что ее стихотворение создано «от души, от глубокого понимания человеческого сердца». Пожелтевшую вырезку из «Учительской газеты» солдаты носили в нагрудных карманах своих гимнастерок. Стихи чита-

ли на митингах, переписывали от руки,

учили наизусть. А Нина Кондратковская отчего-то ненадолго замолчала. Должно быть, отвлекла работа, ведь трудилась она в нескольких местах: сотрудничала в газете, преподавала, да еще художественной самодеятельностью в полку НКВД руководила. И вот из «Учительской газеты» в Магнитогорск летит телеграмма: «Просим написать стихи, посвященные школьному комсомолу или комсомольским учителям». И писала она о комсомольцах, о войне, о будущей победе.

Помню, как рассказывала она о своей командировке в Москву в грозные военные годы. Надо знать, что поэт в то время был фигурой идеологической. И потому спрос с литераторов был велик. Свирепствовала цензура. Не дозволялось ничего лишнего. Военными стихами Кондратковской заинтересовались литературные чиновники в Москве. Ее попросили приехать и привезти написанное за последнее время. Добиралась она долго и трудно. Столица была закрыта, действовал строгий пропускной режим.

 По какому такому неотложному делу, товарищ? - спрашивали всякий раз военные, проверявшие документы.

Редактировать привезенные Ниной Георгиевной стихи было поручено Самуилу Маршаку - строгому человеку в массивных очках с толстыми стеклами. Детский писатель взял рукопись Кондратковской и велел ей ждать в коридоре. Один из чиновников, проходя мимо, поинтересовался у Нины Георгиевны: - Что же с вашими стихами?

Омаршачиваются, – пошутила писательница и, обернувшись, вдруг увидела за спиной Самуила Яковлевича с рукописью в руках... Стихи проверку прошли.

Но минуло лихолетье. В послевоенные годы Нина Кондратковская приходит в музыкальное училище - работать и учиться. Таким неугомонным человеком она была: не только словесность, но и музыка ее увлекала. Есть у Нины Георгиевны замечательное по своему лирическому настрою стихотворение «Маленький скрипач»:

Шевелится под окошком Индевелый карагач, По серебряным дорожкам Бродит маленький скрипач Прижимает к подбородку Скрипку тонкую свою И тихонько тянет нотку,

Как прозрачную струю. И смычок неутомимо Все танцует у плеча, Но проходят люди мимо И не видят скрипача...

Вот и давала она своим подопечным - музыкантам, людям тонкой душевной организации - уроки русской литературы, а у коллегпреподавателей училась дирижерскому мастерству. Именно здесь свела ее судьба с Семеном Григорьевичем Эйдиновым и другими деятелями музыкальной культуры Магнитки. Более двалцати лет жизни отдала она Магнитогорскому музыкальному училищу им. Глинки. Отсюда ушла Нина Георгиевна в 1969 году на заслуженный отдых. Но никогда не забывали ее ни бывшие ученики, ни коллеги-преподаватели. В стенах музучилища проходили ее творческие вечера. Отсюда же провожали Нину Кондратковскую и в последний путь...

А в начале 70-х годов в жизни Нины Георгиевны как будто произошло обновление. Она стала руководить городским литературным объединением имени Б. Ручьева при редакции «Магнитогорского рабочего». С городской газетой у нее были давние связи. В годы войны начинала она работать ответственным секретарем «Магнитогорского металла», а затем перешла в «Магнитогорский рабочий»: стала заведовать отделом культуры. И даже выйдя на пенсию, Нина Георгиевна постоянно получала от редакции журналистские задания, писала статьи, очерки, публиковала стихи. В 1964 году она была принята в Союз журналистов СССР, а в 1981 – в Союз писателей СССР. Кроме того, писательница с честью носила звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». И вот новый этап жизни - руководство литобъединением. Пестование молодых дарований... на общественных началах. Сегодня очень многие из пишущей магнитогорской братии могут поделиться собственными воспоминаниями о «бабе Нине». Так называли ее и ученики, и молодые коллеги, просто знакомые. И кто не помнит вторники в редакции «Магнитогорского рабочего» и потом посиделки до самой ночи на кухне в маленькой квартирке Нины Георгиевны! В эту кухоньку набивались десятки людей, и всем хватало места. И длился разговор за чаем у бабы Нины: продолжался «разбор полетов», читались стихи, не кончались споры. И каждый знал, что квартира Нины Георгиевны открыта для него всегда. Шли мы праздные и озабоченные, с делом и без дела - в этот дом, и заливалась лаем маленькая собачка бабы Нины при каждом звонке в дверь.

Что же тянуло десятки, сотни людей в эту квартиру? Чем завоевыва-



ла Нина Кондратковская сердца? Да в общем-то прост ответ. Щедростью своей душевной, искренним участием, добротой. Сочувствовала она человеческому горю, принимала в себя чужие проблемы, как могла, старалась помочь. А все оттого, наверное, что самой довелось многое пережить. Не было в ней ни фальши, ни наигрыша, как в иных экзальтированных «литературных» дамах. А еще остроумием она отличалась. И как человек, имеющий дело со словом, была склонна даже к «филологическому хулиганству». Люди, близко знавшие Нину Георгиевну, помнят, как оживляли ее бытовую речь непечатные каламбуры. Помню ее негодование на людей, обрушившихся в перестроечные годы с нападками на покойного уже тогда друга Нины Георгиевны, Семена Григорьевича Эйдинова.

– Да кто они такие? Они же яйца Эйдинова не стоят! - восклицала в

сердцах баба Нина. И в стихах иной раз она любила «похулиганить». Но ирония просто спасала ее, помогала на время забыть о болезнях, о житейских заботах, ведь жаловаться она не любила. Кроме всего прочего, творчество для нее было еще и духовной терапией. И в одном из стихотворений, написанном в конце жизни, она словно открылась:

И смех подхватит за бока, И грех проймет - не струшу. А ночью - плачь, моя строка, И очищай мне душу.

Приходите ко мне, - сказала баба Нина после нашего знакомства на литобъединении. - Дыней угощу. Старый приятель из Душанбе привез. Да новые стихи не забудьте

принести. Ее однокомнатная квартира на четвертом этаже типового девятиэтажного дома. Самая необходимая мебель - ничего лишнего. Состояние творческого беспорядка. Стол завален рукописями, книгами, письмами. Нина Георгиевна вела большую переписку. Едва получала очередной конверт, тут же садилась писать ответ, не любила откладывать на потом. Но рабочим кабинетом, «приемной» все же служила кухня. здесь тоже - бумаги, словари, письма. Почти не умолкал телефон. Звонили, как и приходили, люди самые разные. Кто с просьбой, кто с горем, кто с радостью.

Баба Нина принимает меня на кухне, нарезает ломтиками дыню. Потом вытряхивает из полупустой пачки очередную папиросу, закуривает и начинает рассказывать. О чем рассказ? Да обо всем сразу. О том, как пристрастилась к табаку, например. Давно это было. Когда учительствовала в Зауралье. Работы было невпроворот, постоянно не досыпала. Четыре группы учеников, занятия с утра до вечера. Поздно вечером – ликбез. Когда за парты, не снимая треухов, усаживались бородатые мужики, сон просто валил с ног. И тогда один из сельчан достал кисет и свернул козью ножку:

На, дочка, курни, оно и полег-

Затянулась самосалом и закашлялась, но сон прошел. Так и начала

курить. Рассказывала Нина Георгиевна о своих коллегах-литераторах, о легендарном «литературном» бараке, о том, как принимали на Магнитострое в лалекие 30-е Лемьяна Белного и Валентина Катаева, Аркадия Гайдара и Лидию Сейфуллину, Луи Арагона и Эльзу Триоле. Вспоминала, как издавали тогда первый в городе литературный журнал «Буксир», переименованный потом в громкое «За Магнитострой литературы», как в заводской библиотеке устраивались читки и обсуждения каждого очередного номера журнала. Журнал просуществовал до августа 1935 года и был трибуной для начинающих тогда авторов ставших впоследствии литературной гордостью не только Магнитки, но и страны: Бориса Ручьева, Марка Гроссмана, Людмилы Татьяничевой, Александра Авдеенко. От Нины Георгиевны я узнал о судьбе молодого первостроителя-стихотворца, бывшего детдомовца Александра Ворошилова. Перевыполняя плановые задания, не щадя сил и здоровья, поздней осенью по пояс в воде работал он со своими товарищами на строительстве плотины. Но не выдержал ослабленный организм. Тяжелое воспаление легких стало причиной смерти совсем юного еще поэта Магнитостроя.

Вспоминала баба Нина, с каким трудом в 70-х годах выходил составленный ею коллективный сборник магнитогорских авторов – членов городского литературного объединения имени Б. Ручьева. Книга называлась «Круг зари». Помню, как резко она высказывалась о тогдашнем трусливом и косном племени советских редакторов, вымарывавших литературные рукописи, о всесильной власти партийно-идеологических цензоров, покалечивших многие писательские судьбы. Со сколькими редакторами ей самой приходилось общаться в жизни? С десятками, возможно. Ведь ее первая книжка - сборник детских стихов «Фестиваль во дворе» - вышла в свет еще в 50-е годы. Кстати, этот сборник получил тогда одобрительный отзыв известного советского писателя Эммануила Казакевича. А потом были еще «Минутки», «Вертолет», «Синий камень», «Листопад», «Теплый ключ», «Сердце-озеро». В 1998 году был издан посмертный сборник стихов Нины Кондратковской «Осенняя книга».

 Если дело доходило до издания книги, я знала, что придется отчитаться за каждое слово. Редактор семь шкур спустит, прежде чем рукопись пойдет в набор. Но ничего не надо бояться, нужно только честно писать. - говорила Нина Георгиевна двалцать лет тому назал.

И вольно или невольно преподала она многим мололым авторам первые уроки противостояния официозным запретам.

оргиевна по-прежнему много рабо-

тала, писала. До сих пор удивляет ее

В последние годы жизни Нина Ге-

слова из глубины души. Словно смотрит поэт в себя, прислушивается к собственному сердцу. Это как час откровения. Человек в конце пути. И не дают покоя эти живые строки Нины Кондратковской: Вот-вот за окошком,

поздняя лирика — проникновенные

над оком заката

Сомкнется и наглухо

слипнется тьма Она за спиною, она уже рядом, Меня окружает и сводит с ума.

Вот-вот она скажет обыденно-просто:

«Пора...» И крылом прикоснется к плечу, Но я еще вижу заката полоску

И сердцем на эту полоску лечу. Мне тьма не сказала

последнего слова А только крылом

шевельнула слегка. Холодные луны, как белые совы, В окне умирают,

рождаются снова. И слышится мне не «пора»,

а «пока...) Нина Георгиевна Кондратковская умерла в январе 1991 года после продолжительной болезни. Я помню свое последнее посещение Нины Георгиевны. Измученное от физических страданий тело, опухшие ноги. Она уже почти не вставала с постели.

 Достаньте из холодильника ветчину и сделайте два больших бутерброда, - распорядилась баба Нина. -Попьем с вами чай с бутербродами. А потом почитаете мне стихи.

Я читал, а она слушала молча и иногда отключалась, впадала в забытье. Я решил попрощаться и уйти, но Нина Георгиевна не отпустила:

- Читайте. Читайте дальше. Я слудыдущее стихотворение. Там у вас

шаю. И повторите, пожалуйста, преинтересный поворот.

...Должно быть, не все знают, что есть сегодня в Магнитогорске улица Кондратковской. Вот она, на карте. В северо-западной части города. Точнее, на территории поселка Западный. Она соседствует с улицей Татьяничевой А рядом совершенно идиллические названия: Цветочная улица, Вишневая, Кленовая. А вот улицы Тенистая и Благодатная. А здесь – бульвар Юности... Словом, я не мог туда не поехать. Экскурсия оказалась занимательной. Нарезанные участки земли. Строительство коттеджей. Работающие бульдозеры. И пустырь. Нет не то что цветочных клумб и тенистых насаждений – асфальт даже не положен. Едва ли не большая часть улицы Кондратковской проходит... в голом поле. Все начинается с начала, как тогда, с первого колышка. И так далеко еще до благоустройства. Но все же верится, что зацветут в булущем все эти Вишневые и Кленовые улицы. И уж. верно, покроется когда-нибудь зеленью улица Кондратковской.

Игорь ВАРЛАМОВ, член Союза российских писателей.

## Валерий КАДОШНИКОВ

Какая корысть мне от демона ночи? Какая услуга от ангела дня? Уж если бы мир был совсем непорочен, То и не надо бы мучить меня.

Ни от кого корысти не имею, Что для меня людская суета? Но если я когда-то заболею, Пусть Бог оставит силы для Креста.

В какой-то сладостной отраве, Когда уже измерен путь, В былых величии и славе, купаясь, можно утонуть.

Если тьма ограничена светом, Значит, в жизни моей полутьма. И не нужно мне быть поэтом, Чтоб на это хватило ума.

Коль нет ума у головы,

То у души кривые швы.

Неведом путь. Дороге нет начала. Пуста земля - ни тропки, ни следа. Душа моя в безмолвии кричала, Но эхом отвечала ей беда.

Когда принюхаешься к ладану, Когда поймешь огонь свечи -Чужих желаний не загадывай, А о своих – всегда молчи.

Невольник старости и смерти, Еше живешь, считая дни... Да только в этой круговерти Ужасно коротки они.

Успех при жизни – жалкая гримаса Моей судьбы пред будущим - из тымы... Уйдет туда и вся людская раса, Ее погубят лучшие умы.

Все прошло у нас уже,

Друг пред другом – неглиже. Травы – вертлявы.

Лист – вертунец. Люди – раззявы. Пчела – молодец.

Ты навсегда забудешь о своем, Для одного и счастье - не услада. А как беда заплачет соловьем, Тогда и боль - достойная награда.

Увидел я Великую Вселенную И ошутил частичею души: Мы у нее всегда военнопленные,

Что сосланы в земные камыши. Отсюда нам нет выхода. Здесь, на Земле, все мысли и дела.

Слепые, мним, что на Земле - как боги мы,

Забыв, чья воля нас всегда вела. Когда придет последнее прозрение, То мы увидим ясно, до конца -Обязаны своим Земным призрением Великому терпению Творца.

Не строй трагедии из Рая, Коль попадешь туда за блажь... Но и в Аду, в котле сгорая, Тяжелый труд чертей уважь.

Я право жизни не приемлю, Определившей круговерть... Враги мои уж делят землю, Что мне отмерена на смерть.

Для чего живу, кого жалею? Да и пожалеют ли меня? Я, наверно, скоро заболею, И в душе останется стерня. Нужно ли мне прятаться за годы, Если мысль рождает целый век?.. У природы нет плохой погоды, Только вот в моей – все снег да снег.

## Приглашает Снежинск

Объединение свободного творчества города Снежинска объявляет набор произведений молодых авторов для создания малого сборника.

Участвовать могут прозаики, поэты, художники, фотохудожники, скульпторы и т. п. в возрасте от 14 до 35 лет. Работы представлять в любом жанре, количестве (для литераторов – в любом объеме), созданные любым способом, в любом стиле, направлении и цвете, любого формата. Литераторы должны представить рукописи в напечатанном виде или написанными разборчивым почерком. Остальные должны представить качественные фотографии своих произведений. Присылаемый материал не возвращается. Оплата не производится. Каждый автор должен оставить сведения о себе: имя, фамилию возраст, название произведения и адрес, для отображения этой информации в сборнике. Кроме этого, каждый автор может указать желаемое количество экземпляров сборника, которое он хотел бы получить. Данная просьба будет рассмотрена.

Предполагаемые параметры будущего сборника: формат А5, 150-250 страниц, 200-300 экземпляров, шрифт текста - 12, шрифт подписи под фотографиями – 14, вид бумаги, толщина и цвет обложки пока не

Присылать работы и получить более подробные сведения об условиях приема и отбора произведений можно до 30 ноября включительно, на имя объединения по адресу: 456776, Челябинская область, г. Снежинск,

ул. Забабахина, д. 31, кв. 16.